

№134
Апрель
2021 г.

Газета издаётся по благословию
Преосвященного Владимира,
епископа Новокузнецкого
и Таштагольского

Свет Православия

7 апреля

С БЛАГОВЕЩЕНИЕМ
Пресвятой Богородицы!

Благовещение Пресвятой Богородицы

7 апреля празднуется Благовещение Пресвятой Богородицы - двенадцатый праздник. В чем особенности иконографии праздника, почему на Благовещении выпускают птиц, что общего у этого праздника и Евангелия - ответы на эти вопросы читайте в материале журнала "Фома".

Событие:

Архангел Гавриил был послан Богом в Назарет возвестить Деве Марии, что ей предстоит зачать от Духа Святого и родить младенца: Он будет велик и наречётся Сыном Всевышнего, и даст Ему Господь Бог престол Давида, отца Его; и будет царствовать над домом Иакова вовеки, и Царству Его не будет конца. Мария ответила ангелу: *се, Раба Господня; да будет мне по слову Твоему* (Лк 1:26-38).

Икона Благовещение Пресвятой Богородицы

На иконе Благовещения изображается явление архангела Гавриила Деве Марии, видимое удивление которой показано в соединении с глубочайшим смирением перед всемогуществом Бога. Над архангелом и Марией располагается особая форма нимба — мандорла, которая символизирует Божественное явление и зачатие Христа. Красная нить в руках Марии — это пряжа, которой, по церковному преданию, она занималась в этот великий для всей Церкви день.

Суть праздника Благовещение Пресвятой Богородицы

Благовещение празднуется ровно за 9 месяцев до Рождества Христова. По учению Церкви, человек появляется на свет в момент зачатия в утробе матери, а не в момент его рождения.

По учению Церкви, Бог в своем величии снизошел, умалил Себя до человека, а Дева Мария, став матерью воплощенного Бога, превзошла весь человеческий и ангельский мир. Для объяснения тайны Боговоплощения отцы церкви использовали греческое слово

«кенозис», обозначающий «уничтожение» или «истощание».

Явления ангелов, Божественных посланников, были известны на протяжении тысячелетий и производили не только восхищение, но и внушали страх перед своим величием. Человек Ветхого Завета понимал свое недовольство перед светлыми существами иного мира. Но Христос, став одним из людей, сделал человека самым достойным из сотворенных существ.

«Богородице Дево, радуйся, Благодатная Марие, Господь с Тобою, благословенна ты в женах и благословен плод чрева Твоего, яко Спаса родила еси душ наших»,

— слова этой одной из самых известных и любимых молитв Церкви, обращенных к Пресвятой Богородице, почти буквально повторяют обетование Деве Марии, произнесенное архангелом Гавриилом.

Благовещение стало началом исполнения Божественного обещания падшему человечеству в лице Адама и Евы о том, что их потомок, буквально, «семя жены» (Быт 3:15) уничтожит, прельстившего их змея (дьявола). «Семя жены» — это образ безмужнего зачатия Христа, рожденного от Девы Марии.

Се, Дева во чреве приимет и родит Сына, и нарекут имя ему: Еммануил, — строки важнейшего ветхозаветного пророчества о рождении Спасителя от непорочной Девы (Ис 7:14). Имя Эммануил буквально обозначает «с нами Бог», поэтому оно иногда встречается на иконах над изображением младенца Христа.

Архангел Гавриил на иконах часто

изображается с тростью как путник и посланник, со свечой или зеркалом — как вестник тайн, или с лилией — символом благословения; он неоднократно упоминается в Ветхом Завете, почитается в иудаизме и в исламе.

Благовещение по-гречески — Евангелие, Благая весть. Именно так называются первые четыре книги Нового Завета, важнейшие книги Библии. Пророчество о рождении Спасителя мира, исполнения которого так напряженно ждали в Иудее, совершилось как легкое дуновение ветра, незаметно для всего мира. Преклоняясь перед силой веры Богоматери и ее полным доверием Богу, Православная Церковь воздаст Деве Марии

первенство чести среди всех когда-либо рожденных людей.

Благовещение — центральное событие всей Священной истории, оно находится ровно посередине между Ветхим и Новым Заветом. Завет с Авраамом начался с сомнения его пожилой жены Сарры в своей способности стать матерью, родоначальницей Богоизбранного народа. Новый Завет стал возможен благодаря чистой вере Девы Марии в откровение о сверхъестественном рождении ее будущего Сына — Мессии, Спасителя всего человечества (Лк 1:26-38).

Традиции праздника Благовещение Пресвятой Богородицы

Традиция выпускать на Благовещение белых голубей восходит к народной традиции встречи весны. Как и многие другие, эта традиция «воцерковилась». Из Евангелия мы узнаем, что Святой Дух сошел на Господа во время его крещения в реке Иордан в виде голубя.

Непорочное Зачатие Девой Марией Иисуса Христа архангел Гавриил также объясняет нашествием на нее Духа Святого: *Дух Святой найдет на Тебя и сила Вышнего осенит Тебя* (Лк 1:35). Из этого слияния народного обычая, крещенского образа Святого Духа и евангельских слов и появилась современная традиция.

Голубей, которых выпускает на Благовещение Патриарх, выращивает Федерация спортивного голубеводства. Взмыв в небо и покружив над храмом, птицы собираются в стаю и возвращаются в свой питомник.

<https://foma.ru/blagoveshhenie-presvyatoy-bogoroditsyi.html>

О Рождении и Благовещении Пресвятой Девы Марии ДЕТЯМ

В небольшом Галилейском городе Назарете жили муж и жена — Иоаким и Анна. Они были дальними и бедными потомками царя Давида, но людьми добрыми и благочестивыми.

Всю жизнь у них не было детей, и они очень огорчались по этому поводу. Иоаким и Анна молились и просили, чтобы Господь послал им ребёнка, и даже дали обещание посвятить своего ребёнка на служение Богу.

Господь услышал их молитву и исполнил усердную просьбу добрых и праведных людей. У них родилась Девочка, которую они назвали Марией. Когда Марии исполнилось три года, родители торжественно привели её в Иерусалимский храм. Там Мария изучала Закон Божий и занималась рукоделием.

Всё своё детство Она провела в храме. Усердная и кроткая, Мария всегда молилась Богу и была очень трудолюбива. Все люди любили Марию и удивлялись её уму и смирению. Марию не привлекали ни роскошные одеж-

ды, ни весёлые и шумные гуляния. Любимыми её занятиями были молитва, чтение Священного Писания и помощь бедным.

Благовещение Пресвятой Богородицы

Скоро Иоаким и Анна умерли и бедная Девочка осталась круглой сиротой. Грустно деткам жить на свете без папы и мамы. Обидеть их может всякий, а защитить некому. Потому-то добрый Господь всегда особенно заботится о таких детях. Сиротку Марию Он также не оставил без Своей помощи и покровительства.

Когда Мария выросла, то священники той церкви, где Она воспитывалась, должны были отдать Марию замуж, как велел закон. Но Она сказала им, что дала обет Богу никогда не выходить замуж. Священники очень удивились и решили отдать Марию под покровительство её дальнего родственника, богобоязненного старца Иосифа, который по ремеслу был плотник. Он был вдовец, и у него были дети от умершей жены. Мария поселилась в его доме как помощница. Она помогала Иосифу по хозяйству и вела такую же скромную и уединённую жизнь, как и при храме.

Господь увидел, что Мария скромнее

и добрее всех девиц на свете, увидел, что Она усерднее всех молится Богу и потому назначил её быть Матерью Господа Иисуса Христа.

И вот однажды, когда Мария читала Священное Писание, вся её бедная комната озарилась каким-то необыкновенным светом, как будто в ней явилось само солнце. Мария взглянула: перед ней в воздухе, с цветами в руках, стоял Божий Ангел.

— Радуйся, святая, добрая Дева! — сказал Архангел, — Господь с Тобою! Своим смирением, Своим чистым сердцем и любовью к Богу Ты заслужила великую милость: на Тебя сойдёт Святой Дух, и у Тебя родится Сын, которого Ты назовёшь Иисус. Он будет Сыном Бога, Спасителем мира.

Кроткая Дева Мария не ожидала такого счастья и такой высокой чести, но со смирением ответила Архангелу:

— Я раба Господня, пусть будет со Мною так, как хочет Господь Бог.

С этой минуты юная Дева Мария стала знать, что от неё родится Сын Божий Иисус Христос, Который спасёт весь мир от власти греха и смерти.

<http://bibliya-online.ru/rozhdenie-i-blagoveshhenie-presvyatoy-de/>

Житие преподобной Марии Египетской

В одном палестинском монастыре в окрестностях Кесарии жил преподобный инок Зосима. Отданный в монастырь с самого детства, он подвизался в нем до 53 лет, когда был смущен помыслом: «Найдется ли и в самой дальней пустыне святой муж, превзошедший меня в трезвении и делании?»

Лишь только он помыслил так, ему явился Ангел Господень и сказал: «Ты, Зосима, по человеческой мере неплохо подвизался, но из людей нет праведного ни одного (Рим. 3, 10). Чтобы ты уразумел, сколько есть еще иных и высших образов спасения, выйди из этой обители, как Авраам из дома отца своего (Быт 12, 1), и иди в монастырь, расположенный при Иордане».

Тотчас авва Зосима вышел из монастыря и вслед за Ангелом пришел Иорданский монастырь и поселился в нем.

Здесь увидел он старцев, истинно просиявших в подвигах. Авва Зосима стал подражать святым инокам в духовном делании.

Так прошло много времени, и приблизилась святая Четыредесятница. В монастыре существовал обычай, ради которого и привел сюда Бог преподобного Зосиму. В первое воскресенье Великого поста служил игумен Божественную литургию, все причащались Пречистого Тела и Крови Христовых, вкушали затем малую трапезу и снова собирались в церкви.

Сотворив молитву и положенное число земных поклонов, старцы, испросив друг у друга прощения, брали благословение у игумена и под общее пение псалма *Господь просвещение мое и Спаситель мой: кого убоюся? Господь Защититель живота моего: от кого устрашуся?* (Пс. 26, 1) от кривали монастырские ворота и уходили в пустыню.

Каждый из них брал с собой умеренное количество пищи, кто в чем нуждался, некоторые же и вовсе ничего не брали в пустыню и питались кореньями. Иноки переходили за Иордан и расходились как можно дальше, чтобы не видеть, как кто постится и подвизается.

Когда заканчивался Великий пост, иноки возвращались в монастырь на Вербное воскресенье с плодом своего делания (Рим. 6, 21-22), испыт ав свою совесть (1 Пет. 3, 16). При эт ом никто о ни у кого не спрашивал, как он трудился и совершал свой подвиг.

В тот год и авва Зосима, по монастырскому обычаю, перешел Иордан. Ему хотелось глубже зайти в пустыню, чтобы встретить кого-нибудь из святых и великих старцев, спасающихся там и молящихся за мир.

Он шел по пустыне 20 дней и однажды, когда он пел псалмы 6-го часа и творил обычные молитвы, вдруг справа от него показалась как бы тень человеческого тела. Он ужаснулся, думая, что видит бесовское привидение, но, перекрестившись, отложил страх и, окончив молитву, обратился в сторону тени и увидел идущего по пустыне обнаженного человека, тело которого было черно от солнечного зноя, а выгоревшие короткие волосы побелели, как агнее руно. Авва Зосима обрадовался, так как за эти дни не видел ни одного живого существа, и тотчас направился в его сторону.

Но лишь только ногой пустынный увидел идущего к нему Зосиму, тотчас пустился от него бежать. Авва Зосима, забыв свою старческую немощь и усталость, ускорил шаг. Но вскоре он в изнеможении остановился у высохшего ручья и стал слезно умолять удалявшегося подвижника: «Что ты бежишь от меня, грешного старца, спасающийся в этой пустыне? Подожди меня, немощного и недостойного, и подай мне твою святую молитву и благословение, ради Господа,

не гнушавшегося никогда никем».

Неизвестный, не оборачиваясь, крикнул ему: «Прости, авва Зосима, не могу, обратившись, явиться лицу твоему: я ведь женщина, и нет на мне, как видишь, никакой одежды для прикрытия телесной наготы. Но если хочешь помолиться обо мне, великой и окаянной грешнице, брось мне покрыться свой плащ, тогда смогу подойти к тебе под благословение».

«Не знала бы она меня по имени, если бы святостью и неведомыми подвигами не стяжала дара прозорливости от Господа», - подумал авва Зосима и поспешил исполнить сказанное ему.

Прикрывшись плащом, подвижница обратилась к Зосиме: «Что вздумалось тебе, авва Зосима, говорить со мной, женщиной грешной и немудрой? Чему желаешь ты у меня научиться и, не жалея сил, потратить столько трудов?»

Он же, преклонив колена, просил у нее благословения. Так же точно и она преклонилась пред ним, и долго оба один другого просили: «Благослови». Наконец подвижница сказала: «Авва Зосима, тебе подобает благословить и молитву сотворить, так как ты почтен саном пресвитерским и многие годы, предстоя Христову алтарю, приносишь Господу Святые Дары».

Эти слова еще больше устрашили преподобного Зосиму. С глубоким вздохом он отвечал ей: «О мать духовная! Явно, что ты из нас двоих больше приблизилась к Богу и умерла для мира. Ты меня по имени узнала и пресвитером назвала, никогда меня прежде не видел. Твоей мере надлежит и благословить меня, Господа ради».

Уступив наконец упорству Зосимы, преподобная сказала: «Благословен Бог, хотящий спасения всем человекам». Авва Зосима ответил «Аминь», и они встали с земли. Подвижница снова сказала старцу: «Чего ради пришел ты, отче, ко мне, грешнице, лишенной всякой добродетели? Впрочем, видно, благодать Духа Святого наставила тебя сослужить одну службу, потребную моей душе. Скажи мне прежде, авва, как живут ныне христиане, как растут и благоденствуют святые Божии Церкви?»

Авва Зосима отвечал ей: «Вашими святыми молитвами Бог даровал Церкви и нам всем совершенный мир. Но внемли и ты, мольбе недостойного старца, мать моя, помолись, ради Бога, за весь мир и за меня, грешного, да не будет мне бесплодным это пустынное хождение».

Святая подвижница сказала: «Тебе скорее надлежит, авва Зосима, имея священный чин, за меня и за всех молиться. На то тебе и сан дан. Впрочем, все повеленное мне тобою охотно исполню ради послушания Истине и от чистого сердца».

Сказав так, святая обратилась на восток и, возведя очи и подняв руки к небу, начала шепотом молиться. Старец увидел, как она поднялась в воздухе на локоть от земли. От этого чудного видения Зосима повергся ниц, усердно молясь и не смея произнести ничего, кроме «Господи, помилуй!»

Ему пришел в душу помысл - не привидение ли это вводит его в соблазн? Преподобная подвижница, обернувшись, подняла его с земли и сказала: «Что тебя, авва Зосима, так смущают помыслы? Не привидение я. Я - женщина грешная и недостойная, хотя и ограждена святым Крещением».

Сказав это, она осенила себя крестным знаменем. Видя и слыша это, старец пал со слезами к ногам подвижницы: «Умоляю тебя Христом, Богом нашим, не таи от меня своей подвижнической жизни, но расскажи ее всю, чтобы сделать явным для всех величие Божие. Ибо ве-

рую Господу Богу моему. Им же и ты живешь, что для того и был я послан в эту пустыню, чтобы все твои постнические деяния сделал Бог явными для мира».

И святая подвижница сказала: «Смущаюсь, отче, рассказывать тебе о бесстыдных моих делах. Ибо должен будешь тогда бежать от меня, закрыв глаза и уши, как бегут от ядовитой змеи. Но всё же скажу тебе, отче, не умолчав ни о чем из моих грехов, ты же, заклиная тебя, не оставай молиться за меня, грешную, да обрящу дерзновение в День Суда».

Родилась я в Египте и еще при жизни родителей, двенадцати лет отроду, покинула их и ушла в Александрию. Там лишилась я своего целомудрия и предалась безудержному и ненасытному любодеянию. Более семнадцати лет невозбранно предавалась я греху и совершала все безвозмездно. Я не брала денег не потому, что была богата. Я жила в нищете и зарабатывала пряжей. Думала я, что весь смысл жизни состоит в утолении плотской похоти.

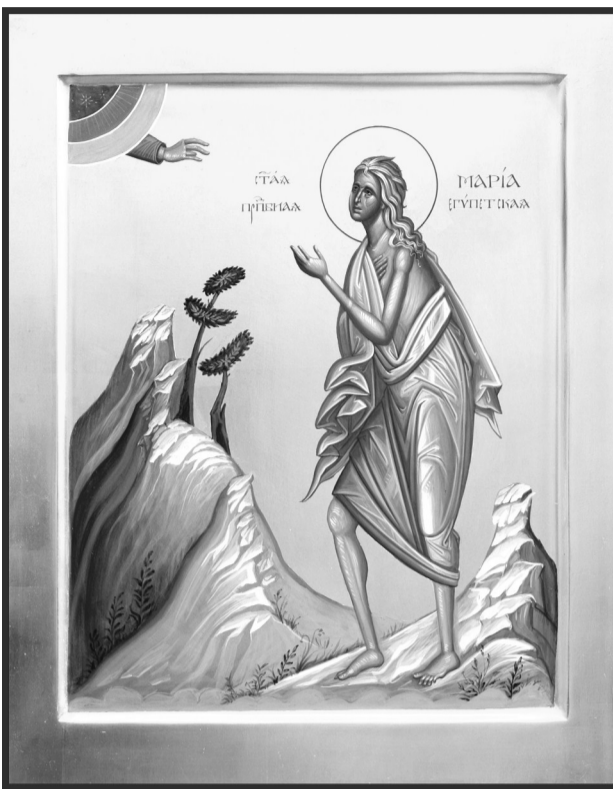
Проводя такую жизнь, я однажды увидела множество народа, из Ливии и Египта шедшего к морю, чтобы плыть в Иерусалим на праздник Воздвижения Святого Креста. Захотелось и мне плыть с ними. Но не ради Иерусалима и не ради праздника, а - прости, отче, - чтобы было больше с кем предаваться разврату. Так села я на корабль».

Теперь, отче, поверь мне, я сама удивляюсь, как море стерпело мое распутство и любодеяние, как земля не разверзла своих уст и не свела меня заживо в ад, прельстившую и погубившую столько душ... Но, видно, Бог желал моего покаяния, не хотя смерти грешника и с долготерпением ожидая обращения.

Так прибыла я в Иерусалим и во все дни до праздника, как и на корабле, занималась скверными делами.

Когда наступил святой праздник Воздвижения Честного Креста Господня, я по-прежнему ходила, уловляя души юных в грех. Увидев, что все очень рано пошли в церковь, в которой находилось Животворящее Древо, я пошла вместе со всеми и вошла в церковный притвор. Когда настал час Святого Воздвижения, я хотела войти со всем народом в церковь. С большим трудом пробравшись к дверям, я, окаянная, пыталась втиснуться внутрь. Но едва я ступила на порог, как меня остановила некая Божия сила, не давая войти, и отбросила далеко от дверей, между тем как все люди шли беспрепятственно. Я думала, что, может быть, по женскому слабосилию не могла протиснуться в толпе, и опять попыталась локтями расталкивать народ и пробираться к двери. Сколько я ни трудилась - войти не смогла. Как только моя нога касалась церковного порога, я останавливалась. Всех принимала церковь, никому не возбраняла войти, а меня, окаянную, не пускала. Так было три или четыре раза. Силы мои иссякли. Я отошла и встала в углу церковной паперти.

Тут я почувствовала, что это грехи мои возбраняют мне видеть Животворящее Древо, сердца моего коснулась благодать Господня, я зарыдала и стала в покаянии бить себя в грудь. Вознося Господу воздыхания из глубины сердца, я увидела пред собой икону Пресвятой Богородицы и обратилась к ней с молитвой: «О Дево, Владычице, родившая плотию Бога -

Слово! Знаю, что недостойна я смотреть на Твою икону. Праведно мне, блуднице ненавидимой, быть отвергнутой от Твоей чистоты и быть для Тебя мерзостью, но знаю и то, что для того Бог и стал человеком, чтобы призвать грешных на покаяние. Помоги мне, Пречистая, да будет мне позволено войти в церковь. Не возбрани мне видеть Древо, на котором плотию был распят Господь, проливший Свою неповинную Кровь и за меня, грешную, за избавление мое от греха. Повели, Владычице, да отверзутся и мне двери святого поклонения Крестного. Ты мне будь доблестной Поручительницей к Родившемуся от Тебя. Обещаю Тебе с этого времени уже не осквернять себя более никакою плотскою скверной, но как только увижу Древо Креста Сына Твоего, отрекусь от мира и тотчас уйду туда, куда Ты как Поручительница наставишь меня».

И когда я так помолилась, почувствовала вдруг, что молитва моя услышана. В умилении веры, надеясь на Милосердную Богородицу, я опять присоединилась к входящим в храм, и никто не оттолкнул меня и не возбранил мне войти. Я шла в страхе и трепете, пока не дошла до двери и сподобилась видеть Животворящий Крест Господень.

Так познала я тайны Божии и, что Бог готов принять кающихся. Пала я на землю, помолилась, облобызала святыни и вышла из храма, спеша вновь предстать пред моей Поручительницей, где дано было мной обещание. Преклонив колени пред иконой, так молилась я пред ней:

«О Благолюбивая Владычице наша, Богородице! Ты не возгнушалась молитвы моей недостойной. Слава Богу, приземлющему Тобой покаяние грешных. Настало мне время исполнить обещание, в котором Ты была Поручительницей. Ныне, Владычице, направь меня на путь покаяния».

И вот, не кончив еще своей молитвы, слышу голос, как бы говорящий издали: «Если перейдешь за Иордан, то обретишь блаженный покой».

Я тотчас уверовала, что этот голос был ради меня, и, плача, воскликнула к Богородице: «Госпоже Владычице, не оставь меня, грешницы скверной, но помоги мне», - и тотчас вышла из церковного притвора и пошла прочь. Один человек дал мне три медные монеты. На них я купила себе три хлеба и у продавца узнала путь на Иордан.

На закате я дошла до церкви святого Иоанна Крестителя близ Иордана. Поклонившись прежде всего в церкви, я тотчас спустилась к Иордану и омыла его святою водой лицо и руки. Затем я причастилась в храме святого Иоанна Предтечи Пречистых и Животворящих Тайн Христовых, съела половину от одного из своих хлебов, запила его святой Иорданской водой и проспала ту ночь на земле у храма. Наутро же, найдя недалеко небольшой челн, я переправилась в нем через реку на другой берег и опять горячо молилась Наставнице моей, чтобы Она направила меня, как Ей Самой будет угодно. Сразу же после того я и пришла в эту пустыню».

Авва Зосима спросил у преподобной: «Сколько же лет, мать моя, прошло с того времени, как ты поселилась в этой пустыне?» - «Думаю, - отвечала она, 47 лет прошло, как вышла я из Святого Града».

Авва Зосима вновь спросил: «Что имеешь или что находишь ты себе в пищу здесь, мать моя?» И она отвечала: «Было со мной два с половиной хлеба, когда я перешла Иордан, потихоньку они иссохли и окаменели, и, вкушая понемногу, многие годы я питалась от них».

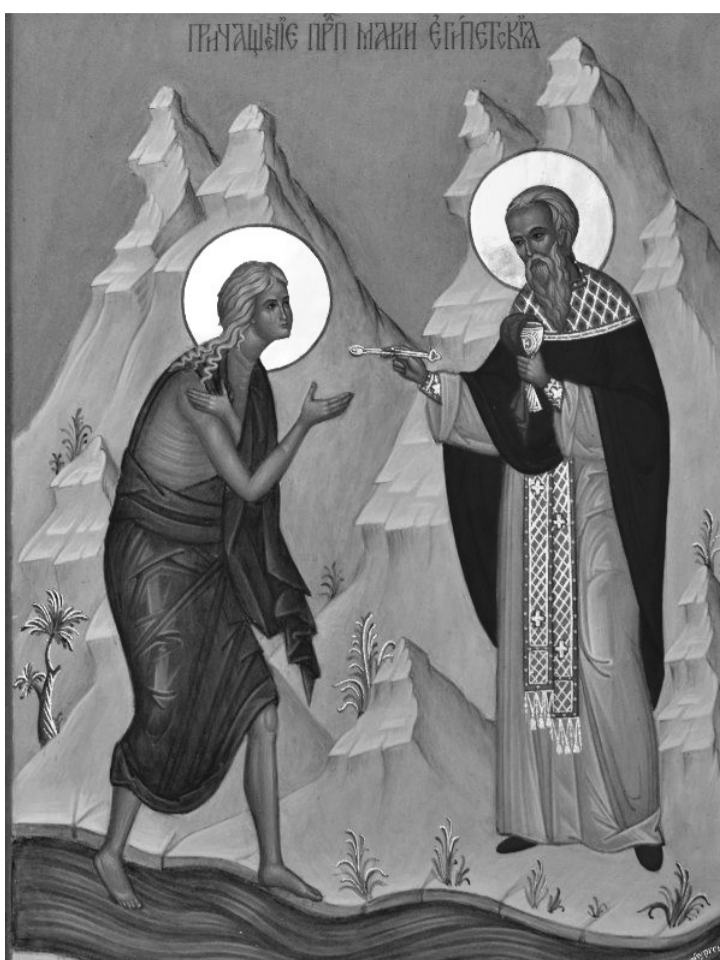
Опять спросил авва Зосима: «Неужели без болезней пребывала ты столько лет? И никаких искушений не принимала от внешних прилогов и соблазнов?» - «Верь мне, авва Зосима, - отвечала преподобная, - 17 лет провела я в этой пустыне, словно с лютыми зверями борясь со своими помыслами...»

Когда я начинала вкушать пищу, тотчас приходил помысл о мясе и рыбе, к которому я привыкла в Египте. Хотелось мне и вина, потому что я много пила его, когда была в миру. Здесь же, не имея часто простой воды и пищи, я люто страдала от жажды и голода. Терпела я и более сильные бедствия: мной овладевало желание любодейных песен, они будто слышались мне, смущая сердце и слух. Плача и бия себя в грудь, я вспоминала тогда обеты, которые давала, идя в пустыню, пред иконой Святой Богородицы, Поручницы моей, и плакала, моля отогнать терзавшие душу помыслы. Когда в меру молитвы и плача совершалось покаяние, я видела отовсюду мне сиявший Свет, и тогда вместо бури меня обступала великая тишина.

Блудные же помыслы, прости, авва, как исповедаю тебе? Страстный огонь разгорался внутри моего сердца и всю опалил меня, возбуждая похоть. Я же при появлении окайных помыслов повергалась на землю и словно видела, что предо мной стоит Сама Пресвятая Поручительница и судит меня, преступившую данное обещание. Так не вставала я, лежа ниц день и ночь на земле, пока вновь не совершалось покаяние и меня не окружал тот же блаженный Свет, отгнавший злые смущения и помышления.

Так жила я в этой пустыне первые семнадцать лет. Тьма за тьмой, беда за напастью обстали меня, грешную. Но с того времени и донныне Богородица, Помощница моя, во всем руководствует мною».

Авва Зосима опять спрашивал: «Неужели тебе не потребовалось здесь ни пищи, ни одеяния?» Она же отвечала: «Хлебы мои кончились, как я сказала, в эти семнадцать лет. После того я стала питаться кореньями и тем, что могла обрести в пустыне. Платье, которое было на мне, когда перешла Иордан, давно разодралось и истлело, и мне много потом пришлось терпеть и бедствовать и от зноя, когда меня палила жара, и от зимы, когда я тряслась от холода. Сколько раз я падала на землю, как

мертвая. Сколько раз в безмерном боре-нии пребывала с различными напастями, бедами и искушениями. Но с того времени и до нынешнего дня сила Божия неведомо и многообразно соблюдала мою грешную душу и смиренное тело. Питалась и покрывалась я глаголом Божиим, всё содержащим (Втор. 8, 3), ибо не о хлебе едином жив будет человек, но о всяком глаголе Божиим (Мф. 4, 4; Лк. 4, 4), и не имеющие покрова каменем облекутся (Иов. 24, 8), если совлекутся греховного одеяния (Кол. 3, 9). Как вспоминала, от сколького зла и каких грехов избавил меня Господь, в том находила я пищу неистощимую».

Когда авва Зосима услышал, что и от Священного Писания говорит на память святая подвижница - от книг Моисея и Иова и от псалмов Давидовых, - тогда спросил преподобную: «Где, мать моя, научилась ты псалмам и иным Книгам?» Она улыбнулась, выслушав этот вопрос, и отвечала так: «Поверь мне, человек Божий, ни единого не видела человека, кроме тебя, с тех пор, как перешла Иордан. Книгам и раньше никогда не училась, ни пеня церковного не слышала, ни Божественного чтения. Разве что Само Слово Божие, живое и всетворческое, учит человека всякому разуму (Кол. 3, 16; 2 Пет. 1, 21; 1 Фес. 2, 13). Впрочем, довольно, уже всю жизнь мою я исповедала тебе, но с чего начинала, тем и кончаю: заклинаю тебя воплощением Бога Слова - молись, святой авва, за меня, великую грешницу».

И еще заклинаю тебя Спасителем, Господом нашим Иисусом Христом - все то, что слышал ты от меня, не забывай ни единому до тех пор, пока Бог не возьмет меня от земли. И исполни то, о чем я сейчас скажу тебе. Будущим годом, в Великий пост, не ходи за Иордан, как ваш иноческий обычай повелевает».

Опять удивился авва Зосима, что и чин их монастырский известен святой подвижнице, хотя он пред нею не обмолвился о том ни одним словом.

«Пребудь же, авва, - продолжала преподобная, - в монастыре. Впрочем, если и захочешь выйти из монастыря, ты не сможешь... А когда наступит святой Великий четверг Тайной Вечери Господней, вложи в святой сосуд Животворящего Тела и Крови Христа, Бога нашего, и принеси мне. Жди же меня на той стороне Иордана, у края пустыни, чтобы мне, придя, причаститься Святых Тайн. А авва Иоанну, игумену вашей обители, так скажи: внимай себе и стаду своему (Деян. 20,

23; 1 Тим. 4, 16). Впрочем, не хочу, чтобы ты теперь сказал ему это, но когда укажет Господь».

Сказав так и испросив еще раз молитв, преподобная повернулась и ушла в глубину пустыни. Весь год старец Зосима пребывал в молчании, никому не смея открыть явленное ему Господом, и прилежно молился, чтобы Господь сподобил его еще раз увидеть святую подвижницу.

Когда же вновь наступила первая седмица святого Великого поста, преподобный Зосима из-за болезни должен был остаться в монастыре. Тогда он вспомнил пророческие слова преподобной о том, что не сможет выйти из монастыря. По прошествии нескольких дней преподобный Зосима исцелился от недуга, но все же остался до Страстной седмицы в монастыре.

Приблизился день воспоминания Тайной вечери. Тогда авва Зосима исполнил повеленное ему - поздним вечером вышел из монастыря к Иордану и сел на берегу в ожидании. Святая медлила, и авва Зосима молил Бога, чтобы Он не лишил его встречи с подвижницей.

Наконец преподобная пришла и стала по ту сторону реки. Радуюсь, преподобный Зосима поднялся и славил Бога. Ему пришла мысль: как она сможет без лодки перебраться через Иордан? Но преподобная, крестным знамением перекрестив Иордан, быстро пошла по воде. Когда же старец хотел поклониться ей, она запретила ему, крикнув с середины реки: «Что творишь, авва? Ведь ты - иерей, носитель великих Тайн Божиих».

Перейдя реку, преподобная сказала авве Зосиме: «Благослови, отче». Он же отвечал ей с трепетом, ужаснувшись о дивном видении: «Воистину неложен Бог, обещавший уподобить Себе всех очищающихся, насколько это возможно смертным. Слава Тебе, Христе Боже наш, показавшему мне через святую рабу Свою, как далеко отстою от меры совершенства».

После этого преподобная просила его прочесть «Верую» и «Отче наш». По окончании молитвы она, причастившись Святых Страшных Христовых Тайн, простерла руки к небу и со слезами и трепетом произнесла молитву святого Симеона Богоприимца: «Ныне отпускаешь рабу Твою, Владыко, по глаголу Твоему с миром, яко видеста очи мои спасение Твое».

Затем вновь преподобная обратилась к старцу и сказала: «Прости, авва, еще исполни и другое мое желание. Иди теперь в свой монастырь, а на следующий год приходи к тому иссохшему потоку, где мы первый раз говорили с тобой». «Если бы возможно мне было, - отвечал авва Зосима, - непространно за тобой ходить, чтобы лицезреть твою святость!» Преподобная снова просила старца: «Молись, Господа ради, молись за меня и вспомни мое окаянство». И, крестным знамением осенив Иордан, она, как прежде, прошла по водам и скрылась во тьме пустыни. А старец Зосима возвратился в монастырь в духовном ликовании и трепете и в одном укорял себя, что не спросил имени преподобной. Но он надеялся на следующий год узнать наконец и ее имя.

Прошел год, и авва Зосима снова отправился в пустыню. Молясь, он дошел до иссохшего потока, на восточной стороне которого увидел святую подвижницу. Она лежала мертвая, со сложенными, как подобает, на груди руками, лицом обращенная к Востоку. Авва Зосима омыл слезами ее стопы, не дерзая касаться тела, долго плакал над усопшей подвиж-

ницей и стал петь псалмы, подобающие скорби о кончине праведных, и читать погребальные молитвы. Но он сомневался, угодно ли будет преподобной, если он погребет ее. Только он это помыслил, как увидел, что у главы ее начертано: «Погреби, авва Зосима, на этом месте тело смиренной Марии. Воздай персть персти. Моли Господа за меня, преставляющуюся месяца апреля в первый день, в самую ночь спасительных страданий Христовых, по причащении Божественной Тайной Вечери».

Прочитав эту надпись, авва Зосима удивился сначала, кто мог сделать ее, ибо сама подвижница не знала, грамоты. Но он был рад наконец узнать ее имя. Понял авва Зосима, что преподобная Мария, причастившись Святых Тайн на Иордане из его рук, во мгновение прошла свой дальний пустынный путь, которым он, Зосима, шествовал двадцать дней, и тотчас отошла ко Господу.

Прославив Бога и омочив слезами землю и тело преподобной Марии, авва Зосима сказал себе: «Пора уже тебе, старец Зосима, совершить повеленное тебе. Но как сумеешь ты, окайный, ископать могилу, ничего не имея в руках?» Сказав это, он увидел недалеко в пустыне лежавшее поверженное дерево, взял его и начал копать. Но слишком суха была земля. Сколько ни копал он, обливаясь потом, ничего не мог сделать. Распрямившись, авва Зосима увидел у тела преподобной Марии огромного льва, который лизал ее стопы. Старца объел страх, но он осенил себя крестным знамением, веруя, что останется невредим молитвами святой подвижницы. Тогда лев начал ласкаться к старцу, и авва Зосима, возгораясь духом, приказал льву ископать могилу, чтобы предать земле тело святой Марии. По его слову лев лапами ископал ров, в котором и было погребено тело преподобной. Исполнив завещанное, каждый пошел своей дорогой: лев - в пустыню, а авва Зосима - в монастырь, благословляя и хваля Христа, Бога нашего. Кончина преподобной Марии наступила 1 апреля 522 года.

Придя в обитель, авва Зосима поведал монахам и игумену, что видел и слышал от преподобной Марии. Все дивились, слушая о величии Божиим, и со страхом, верой и любовью установили творить память преподобной Марии и почитать день ее преставления. Авва Иоанн, игумен обители, по слову преподобной, с Божией помощью исправил в обители то, что надлежало. Авва Зосима, пожив еще Богоугодно в том же монастыре и немного не дожив до ста лет, окончил здесь свою временную жизнь, перейдя в жизнь вечную.

Так передали нам дивную повесть о житии преподобной Марии Египетской древние подвижники славной обители святого всехваленого Предтечи Господня Иоанна, расположенной на Иордане. Повесть эта первоначально не была ими записана, но передавалась благоговейно святыми старцами от наставников к ученикам.

Я же, - говорит святитель Софроний, архиепископ Иерусалимский (память 11 марта), первый описатель Жития, - что принял в свой черед от святых отцов, все предал письменной повести.

Бог, творящий великие чудеса и великими дарованиями воздающий всем, с верою к Нему обращающимся, да вознаграждает и читающих, и слушающих, и передавших нам эту повесть и сподобит нас благой части с блаженной Марией Египетской и со всеми святыми, Богомыслием и трудами своими угодившими Богу от века. Дадим же и мы славу Богу Царю вечному, да и нас сподобит милость обрести в День Судный о Христе Иисусе, Господе нашем, Ему же подобает всякая слава, честь, и держава, и поклонение со Отцем, и Пресвятым и Животворящим Духом, ныне и присно и во веки веков, аминь.

Мои посмертные приключения

Юлия Вознесенская

Так, в страшных муках прошли долгие, долгие годы. Но однажды тьма преисподней рассеялась: явился Иоанн Креститель и начал проповедовать Христа[10]. Он был огражден Божией Благодатью, и бесы не осмеливались к нему приблизиться и помешать. Он говорил, что Христос-Спаситель скоро спустится в ад и спасет всех, кто в Него уверует и пойдет за Ним. Но для этого надо заранее покаяться в грехах и креститься. Он объяснил, что такое грех и почему он негоден Богу, а покончившим с собой грозно объявил, что самоубийство — вовсе не подвиг мужества, а преступление против Бога. Многие ему поверили и обрели надежду на спасение, в том числе и я. Мы горько каялись в своих грехах и получили от Иоанна Крестителя их отпущение. Потом он крестил нас, и наши слезы были вместо воды.

А мой бедный муж все стонал о недопустимой Валгалле и никак не мог справиться со своим отчаянием. Но друг с другом мы не расставались.

И вот пришло назначенное Творцом время, и в ад спустился Спаситель[11]. Он разогнал бесов, как мошкору, и благословил всех крестившихся и даже тех, кто креститься не успел, но уверовал, увидев Его. Однако некоторые души упрямо отворачивались от Христа, и в том числе мой муж.

Спаситель повел всех нас к выходу из ада: и какой же это был длинный хоростеней!

Мы шли и шли, тьма отступала, и наконец впереди показались первые лучи солнца. Я тянула мужа за собой, но он вырвал свою руку из моей руки и остался в аду: он не мог смириться с тем, что его, прославленного воителя, хочет спасти женщина, пусть даже любимая жена. И мы расстались, и с тех пор прошло почти две тысячи лет.

Попав в Рай, я спросила у Христа Спасителя, может ли еще спастись мой муж? Он велел мне ждать последнего Суда и надеяться. И тогда я просила Господа позволить мне ждать моего мужа на самой границе Рая, чтобы он, если будет помилован и придет сюда, не прошел мимо меня, чтобы не потерялись мы еще раз. И Господь благословил меня ждать его здесь, в этой долине. Вот я и жду.

Мы были первыми насельниками Рая после изгнания Адама. Рай был прекрасен, но похож на запущенный сад. Я была рада, что здесь можно трудиться — хранить и возделывать Рай, как повелел нам Господь. В работе и молитве века шли за веками, а я все ждала, вдруг сегодня случится чудо, и мой Олаф спустится в Хрустальную долину и позовет меня:

«Встречай меня, моя Хельга! Я вернулся, и я устал. Сними с меня сапоги!» — как он всегда говорил, возвращаясь из набега.

Прошла первая тысяча лет моего пребывания здесь, и с Земли стали приходить наши первые потомки-христиане. Они уже были русскими. Все они были достойными людьми, и до сих пор никому из нашего рода не приходилось уходить в глубины ада: они посещали его, но только чтобы видеть, каких бед им удалось избежать, и они не встречали моего Олафа. Видно, он находится в таких глубинах, куда доступ им был закрыт.

И вот теперь, через две тысячи лет, я узнала, что появилась ты, и тебе предстоит отправиться отсюда в преисподнюю. Я посетила Долину учеников, но не застала тебя: ты куда-то улетала. Я по-

просила своего потомка, а твоего дедушку, чтобы он передал тебе, что я хочу с тобой встретиться. Ты догадываешься, зачем?

— Это было жестоко — напоминать мне об аде и давать туда поручения с оказией. Но я решила, что это в характере врягов и мне тоже следует проявить мужество и верность кровным узам.

— Да, я понимаю, почему ты выбрала меня. Скажи мне, как я смогу узнать твоего мужа и что мне сказать ему, если я встречу его?

— Скажи ему, что я его люблю так же, как любила на Земле и в аду. Скажи ему, что мы непременно встретимся, хотя бы на Страшном суде. Еще скажи, пусть он верит, что муж и жена одно целое, и не может одна половина целого забыть другую половину.

А узнать его будет нетрудно: у него нет правого глаза, зато уцелевший глаз синее неба; на левой руке не хватает двух пальцев, мизинца и безымянного, волосы и борода косматые и рыжие, а нос перебит в двух местах. Две тысячи лет назад он все еще был одет в красный плащ с длинной прорехой на спине от удара ножом. Зовут его Олаф Краснобородый. Увидишь — узнаешь сразу, он один такой!

Сказав все, что хотела, Ольга поднялась. — Хочешь, — сказала она, — я покажу тебе цветок, который я приготовила в подарок Всецарице? Может, ты поможешь мне его закончить.

— Да что я умею! Я в жизни ничего путевого не сотворила, вся она ушла, как теперь выяснилось, на пустословие и пустоделание, я даже любить не научилась... А кто это — Всецарица?

— Что за странный ребенок появился к концу нашего рода, не знает небесного чина Божией Матери!

— Ну, так бы и сказали: Божию Матерь я, конечно, знаю, но без чинов.

Подарком оказался цветок, растущий в горшке из розоватого кварца, чем-то похожий на земной ландыш, но с более крупными цветами, прозрачными и слегка перламутровыми — не белизна, а только тень белизны. Его изогнутый стебель чуть покачивался, бубенчики звенели.

— Как тебе нравится запах? — спросила Ольга, и в ее голосе прозвучала озабоченность.

Аромат цветка был упоительно тонок, запах земных ландышей свежим майским утром в сравнении с ним показался бы грубой парфюмерией.

— Ну, как по-твоему?

— По-моему, это само совершенство!

— Твой цветок прекрасен, прабушка! — поддержал меня Алеша. Ольга вздохнула:

— Ну что ж... Хотите полететь со мной во владения Царицы Небесной, чтобы вручить ей подарок?

— Прабушка! — воскликнула я. — Да разве меня туда пустят? Я недостойная, я — отверженная...

— Царица Небесная пока еще никого не отвергала. Летим! Для этого цветка я больше ничего не могу сделать.

Ольга подняла розовый горшок со своим даром, легко поднялась в воздух и полетела в сторону выхода из Хрустальной долины, а мы с Алешей — за ней.

После довольно продолжительного полета мы оказались над огромным парком и опустились на поляну среди деревьев, высоких и цветущих. Я сразу заметила, что здесь преобладают белые и

голубые цветы. Ольга сказала, что это любимые цвета Богородицы.

По белым дорожкам парка в разных направлениях двигались ангелы и люди. Мы пошли по одной из аллей, потом за поворотом перед нами появился великолепный дворец из мраморного кружева. Такой же кружевной была ограда вокруг дворца и распахнутые настезь высокие ворота.

Я не заметила, откуда и как это произошло, но по мере приближения к дворцу Всецарицы меня начало охватывать и наполнять непонятное чувство любви и печали, какой-то пронзительной тоски по чему-то неведомо прекрасному и дорогому. Я остановилась, потому что идти дальше не было никакой возможности: еще немного, еще несколько шагов, — и все мое существо разорвалось бы и растаяло от этого непонятного чувства.

Вспомнилось вдруг снегурочкино «Люблю или таю...» Но это был только слабый намек на происшедшее со мной. Я прижала обе руки к груди и опустилась на колени.

— Что с тобой, дитя мое? — воскликнула Ольга.

— Ты что, Аннушка? — Алеша обнял меня, стараясь поднять с колен.

— Я не могу идти дальше, мне так больно вот здесь! — я схватила Алешину руку и прижала ее к груди. Прабушка тоже склонилась ко мне, не выпуская из рук своего цветка. Чудесное растение качнулось, цветы испуганно тренькнули и вдруг отчетливо прозвенели короткую печальную мелодию. Облачко нового аромата выплеснулось из дрогнувших бубенцов и окутало наши склоненные друг к другу головы — мою, Алешину и прабушину.

— Вот оно! — воскликнула Ольга. — Вот то, чего недоставало благоуханию моего цветка! Вы слышите этот новый оттенок? — В нем появилась легкая горечь, — сказал Алеша. — Но любви все равно больше, хотя теперь это печальная любовь.

— Это то, что я искала, не умею правильно назвать. Вот теперь мой подарок полностью готов: этот цветок будет говорить о любви Богородицы к людям.

— Это ведь чуть-чуть и мой подарок, прабушка? — умоляюще спросила я. — Я теперь знаю, что люблю Божию Матерь, и мне так хочется, чтобы и Она об этом узнала!

— Я скажу это Ей. Ты идешь со мной? — Я покачала головой:

— Я не решусь идти во дворец. Простимся здесь, милая прабушка, нам с братом пора возвращаться. Я тебя люблю и не забуду твое поручение!

— Я тоже люблю тебя, Анна, и буду молиться о тебе. — Тут мы и расстались: Ольга пошла прямо в белые ворота, а мы с Алешей полетели назад, в свою Долину.

Нас уже ждала вся семья и мой Ангел. Увидев меня, он сказал Деду:

— Напрасно ты отпустил Анну без меня. Я так не хотел, чтобы она сегодня печалилась!

— Думаю, что знакомство это было необходимо, — сказал Дед. — Расскажи, Алеша, как прошла встреча с Ольгой?

Когда Алеша рассказал все, и про цветок для Божией Матери тоже, Ангел и Дед, а за ними и все остальные чему-то обрадовались и повеселели. Катя с Ниной принесли очередной пирог со вкуснейшим вареньем неизвестного происхождения, Дед достал бокалы и вино, и

больше мы в этот вечер не грустили.

А на следующее утро я со всеми попрощалась.

Я плакала, ведь расставались мы до самого Страшного Суда. Прощай, прощай, прекрасная Долина, прощайте, все мои родные!

Только Ангел мой Хранитель взялся проводить меня в страшный неизвестный путь.

Он подхватил меня, и мы поднялись над дедовой церковью, над крышей нашего милого дома, сделали прощальный круг над озером и Долиной и начали подниматься все выше и выше. Потом мы повернули круто на Запад и вошли в густые облака. Ангел покачивал меня на руках и тихо напевал какую-то молитву, а я плакала, прижавшись к его плечу.

Глава 7

Позади остались золотистые облака Рая, и мы долгое время летели в голубой пустоте.

Потом впереди закружились грозные тучи, и мы вошли в них, как входит самолет при посадке. Мне показалось, что под нами Земля. Справа и слева промелькнули мрачные, поросшие темным еловым лесом горы с голыми серыми вершинами, и мы влетели в узкое и глубокое ущелье. В нем было сумрачно и холодно. Хранитель осторожно приземлился на камни, спустил меня с рук, сложил крылья, и дальше мы пошли пешком.

Мы шли, а каменистая почва под ногами шла под уклон и опускалась все ниже и ниже, тьма вокруг нас сгустилась. Навстречу нам поплыли клочья смрадного желтого тумана.

— Куда мы идем? — спросила я в тревоге.

— Мы спускаемся под землю. Нам придется миновать провалы, ведущие в адские бездны. Держись за меня крепче, чтобы тебя не увлекло в глубины преисподней. Я должен довести тебя до границы области, назначенной для душ с нерешенной судьбой. Там мы с тобой и расстанемся, Аннушка.

Я крепче ухватилась за ангельскую руку. Вскоре я увидела сквозь туман зияющий вход в огромную пещеру: из нее-то и сочился ядовитый желтый туман. У входа толпились старые знакомые — бесы. Увидев нас с Ангелом, они завопили, замахали лапами, но он грозно прикрикнул на бесов, и они откатились в сторону.

Мы вошли в пещеру. Там царил непроглядный темень, дорогу нам освещал только собственный свет Хранителя. Мимо нас деловито шмыгали бесы, недовольно хрюкали, но близко подходить не смели. Пещера была такой длинной, что дальний ее конец терялся во тьме, ангельский свет туда не доходил.

Неровный каменный свод низко нависал над нами, так что Ангел почти касался его головой. Справа и слева отходили боковые ходы, некоторые полыхали изнутри багровым светом, из них несло удушливой вонючей гарью.

Каменистый неровный пол под ногами полого опускался, иногда мы сходили по грубо высеченным в скале ступеням. Становилось все жарче, все темней, все тоскливей.

Хранитель свернул в какой-то из боковых ходов, и вскоре я с облегчением заметила, что пол под нашими ногами снова стал подниматься, а воздух как будто становился чище.

Вскоре по серому пятну света впереди я поняла, что мы приближаемся к выходу из пещеры.

— Мы скоро выйдем на поверхность?

— Да. Но это не земная поверхность, а одна из пустынь ада. Запомни: ее надо пройти до конца и выйти к морю, пересечь его и там искать место, где пребывают души, которым дано поклоняться Господу и молиться: там ты обретешь надежду. Но для этого тебе надо идти и идти, ни в коем случае не впадать в отчаяние и неподвижность. Постарайся не утратить способность мыслить и действовать.

— Так для меня действительно есть надежда?

— Ты забыла Ольгу? Разве она не научила тебя надеяться?

— Я уже не знаю сейчас. Но я буду стараться, я буду помнить твои слова!

— Это будет очень трудно, Анна, но ты должна сохранить память и мысль, и в первую очередь — молитву. Ты еще помнишь, как ты молилась Богородице?

— Кому-кому?

— Божией Матери. У тебя в комнате висела Ее икона. Неужели ты уже не помнишь?

— Помню. Я говорила Ей: «Спокойной ночи!»

— А что перед этим?

— Ничего! — я очень удивилась ангельскому вопросу, я ведь в самом деле больше ничего не говорила, когда стояла вечером перед доской, на которой была нарисована красивая Женщина. Я не знала, кто Она была такая и почему я должна была с этой доской разговаривать.

Ангел замолчал и повел меня дальше.

Подземный коридор становился все шире и шире, и вскоре мы вышли из-под земли на серый сумеречный свет. Мы остановились у выхода из пещеры, и я огляделась.

Перед нами расстилалась сумрачная и голая пустыня. Над головой нависали неподвижные тяжелые тучи, серый свет едва пробивался сквозь них и падал на каменистую равнину. Кое-где торчали голые черные скалы, похожие на гнилые зубы. Нигде не было видно ни кустика, ни травинки, между камнями почва была покрыта пеплом ржавого оттенка, воняло мокрой пылью, золой и кислой гарью. Негромкий унылый звук, похожий на зудение комара, плыл над этой пустыней.

Я хотела о чем-то спросить Хранителя и подняла к нему лицо: из его лучезарных глаз катились крупные слезы. Я тотчас забыла, о чем хотела спросить и спросила другое:

— Ты плачешь обо мне?

— Да, — ответил он. — Теперь я должен тебя покинуть.

— Ну что ж, иди, куда тебе надо. А куда идти мне? Туда? — я показала рукой на равнину, расстилавшуюся перед нами.

Ангел снова начал говорить о необходимости сохранить молитву и надежду. У меня разболелась голова. Я села на камень и ждала, когда он замолчит. Его слова назойливо звенели в ушах, но говорил он невнятно, и разобрать их становилось все труднее и труднее. Я охватила голову руками и постаралась его не слушать, и сама не заметила, как задремала.

Когда я очнулась, этот светящийся дылда все еще стоял передо мной, держа меня за руку и что-то бормотал. Я вспомнила, что мы, кажется, пришли сюда вместе, но он мне определенно не нравился. И чего он ко мне привязался? А он все что-то говорил и говорил на своем птичьим языке, будто не видел, что я его не понимаю.

Наконец мне это надоело, я тихонько вынула свою руку из его руки и пошла от него в сторону черных скал. Он еще что-то говорил мне вслед, но я не стала ни слушать, ни оглядываться. Мне хотелось уйти подальше, найти спокойное место, прилечь и уснуть. Я добрела до черной скалы, опустила в песок и пепел у ее

подножия и закрыла глаза.

Кажется, я опять уснула. Во всяком случае, когда я очнулась, мне показалось, что сумрак вокруг стал еще гуще. Надо подняться и идти куда-нибудь, поглядеть, нет ли поблизости жилья или дороги? Тело мое отяжелело от сна и плохо мне повиновалось, ноги едва слушались. Какая-то расслабленность охватила меня с ног до головы. Думалось тоже плохо, — мешал этот зудящий монотонный звук, заполнивший все пространство вокруг. Состояние было, как после тяжелого гриппа, а в груди ныла болезненная острая тоска, как будто внутри у меня завелась большая пиявка и сосет, сосет...

Я наметила вдалеке большую скалу с раздвоенной вершиной и пошла к ней, еле волоча ноги по рыжей каменистой земле. Не знаю, сколько времени я шла к ней, но мне показалось, что очень долго: по временам я теряла ощущение времени и самой себя и шла как бы в бессознательном состоянии, потом что-то прояснялось в уме, и тогда я снова видела перед собой намеченный черный двузубец и даже пробовал а ускорить шаг.

Наконец я добрела до скалы и остановилась перед ней в растерянности: а что же я должна делать дальше?

Когда-то в молодости я немного занималась альпинизмом, видимо, что-то осталось в памяти, какие-то инстинкты скалолазки: я безотчетно наметила трещины и уступы, по которым можно вскарабкаться на вершину, постояла-постояла да и полезла наверх. Скала была вулканического происхождения, ее выветрившаяся ноздреватая поверхность только на глаз казалась удобной для лазанья: местами она осыпалась, а края пещеристых углублений были остры, как края бутылок с отбитым горлом. Несколько раз из-под ног срывались камни, но сама я не свалилась ни разу и благополучно добралась до седловинки между острыми зубцами. Я выпрямилась, опираясь на один из них, и огляделась.

Позади я увидела страшной высоты каменную стену с разинутой пастью пещеры.

Мне смутно припомнилось, что я была внутри этой пещеры и со мной было некое светящееся существо, суелливое и громкоголосое. Возвращаться туда мне не хотелось, и посмотрела в другую сторону. Но сколько я ни напрягала зрение, я ничего не могла разглядеть, кроме бескрайней рыже-серой пустыни с одиноко торчащими скалами. Я наметила как ориентир одну из них и, спустившись со скалы, пошла к ней.

Так я брела от скалы к скале не знаю сколько дней, очень долго. Есть мне не хотелось, да и нечего было тут есть, спать я боялась, только иногда падала от усталости, лежала некоторое время без движения и мысли, а потом снова поднималась и тупо, упрямо заставляла себя идти, а куда и зачем — не знала сама.

Однажды все изменилось. Мрачные скалы сблизились и превратились в стену неприютных гор с узкими туманными ущельями между ними: из ущелий тянуло холодом.

«Может быть, впереди вода?» — подумалось мне, и я пошла чуть быстрее.

Холод становился сильнее, сквозняки из ущелий пронизывали меня насквозь, я замерзала на ходу, но зато тоскливый зудящий звук, изводивший меня столько времени, теперь заглушался завываниями ветра в скалах. Я выбрала наугад одно из ущелий и пошла по нему.

Тропы не было, но под ногами угадывалось русло пересохшего потока: острые обломки лавовых пород сменились обкатанными валунами. Идти по ним было нелегко, приходилось перепрыгивать с камня на камень, а тяжелое тело меня не слушалось, и я то и дело проваливалась в щели между камнями.

По мере того, как поднималось сухое

русло, ветер стихал, и наконец, затих совсем.

Ущелье кончилось, выведя меня в распадок между двух темных хребтов, вершинами ухидивших за тучи.

В абсолютной тишине передо мной лежало застывшее горное озеро, промерзшее насквозь: даже видны были черные валуны на его дне. На поверхности льда я увидела множество темных фигур, которые сначала приняла за разбросанные по льду большие камни: подойдя к берегу, я разглядела, что это не валуны, а вмерзшие в лед неподвижные тела людей, тысячи и тысячи мертвых тел мужчин и женщин.

Я постояла в нерешительности на берегу, а потом осторожно спустилась на скользкий лед. Ближе всех ко мне ничком лежала молодая женщина; ее рыжие крашенные волосы были откинута на спину, виделось белое ухо с большой пластмассовой серьгой и часть пухлой, грубо нармяненной щеки.

Я нагнулась и тронула ее за плечо, и, к моему удивлению, она повернула голову и посмотрела на меня одним глазом, вокруг которого расплылись тушь и зеленые тени.

— Тебе что, места не хватает?.. — спросила она тихим сиплым голосом. Я увидела, что шея у нее неестественно вытянута, а на шее видна глубокая синяя борода, — след от веревки? Я попыталась ее поднять, но тут же поняла, что это невозможно: вся нижняя часть ее тела превратилась в лед и сплавилась в одно целое со льдом озера.

— Не тронь меня, уйди... Отойти подальше и ложись. Места всем хватит. Ложись и ни о чем не думай. Здесь конец всему. Ложись...

Я оставила ее лежать и пошла дальше, разглядывая вмерзшие в лед фигуры. Чем дальше я отходила от берега, тем больше встречала полностью превратившихся в лед людей. Но некоторые еще были способны разговаривать. Они открывали глаза, медленно поворачивали головы и следили за мной.

Вокруг шелестели их слабые голоса: — Не ходи тут, не тревожь нас... Ложись и спи... Оставь нас с нами... Все конечно... Только здесь желанный покой... Некуда больше идти...

Да, здесь хорошо, здесь нет ни воющего ветра, ни противного, нагоняющего тоску зудения. Но почему это мне некуда больше идти? Я знаю, что мне надо идти, и я буду идти.

С трудом отрывая примерзающие ко льду босые ноги, я повернула к берегу. Голоса вокруг разочаровано зашуршали: — 3-3-ря уходиш-ш-шь... Вернис-с-сь...

Выбравшись на берег, я пошла к стене черных скал. Я не помнила, с какой стороны вышла к озеру, и мне было все равно, куда идти, но от этого озера надо было убираться подальше, это со знавал даже мой сонный заледеневший разум.

Я тащилась вдоль черной стены уродливых скал, ища выхода. Мне почудилось какое-то движение на озере. Оглянувшись, я увидела, что на льду появились два странных огромных валуна. Они двигались от тела к телу, а после них оставался пустой лед. Мне показалось, что они направляются в мою сторону, и что-то в их движении мне показалось угрожающим. Я стояла и старалась понять угрозу, а они ползли ко мне. Вскоре их стало видно во всех подробностях: это были два чудовищных слизняка из темного льда с безобразными рыбьими мордами и выпученными немигающими глазами. Проползая по телам вмерзших в лед людей, они вбирали их в себя и становились все толще и толще.

Бежать я не могла, но и стоять на месте мне совсем не хотелось. Я отвернулась от них и пошла к скалам, уже не замедляя шага. Чтобы двигаться скорее, я стала на ходу размахивать руками. Я не оглядывалась, но слышала за спиной ледяное шуршание, какое бывает, когда

по реке идет шуга — мелкий осколочный лед.

Искать ущелье, по которому я пришла сюда, было уже некогда, и я свернула в первое же, какое смогла различить среди скалистых пиков.

Мне повезло: как только я завернула за угол, я увидела широкую грунтовую дорогу, идущую довольно круто вниз. Вскоре холодное дыхание озера осталось позади, идти стало легче.

Через некоторое время мне навстречу стали попадаться одинокие путники. Лица у них были сонные, а глаза пустые, как окна с выбитыми стеклами. Они шли, опустив головы и волоча ноги, молча обходили меня, старательно избегая встречаться со мной взглядом. Только один из них остановился и спросил: — Далеко ли до Озера отчаяния?

Я ответила, что как раз иду оттуда и что ходить туда не стоит, — это опасное и гиблое место.

— Глупая! Ты не знаешь, ОТКУДА мы идем! — и он побрел дальше.

Через какое-то время я снова вышла на равнину, скалы остались позади и вдали стала различима черная лента, похожая на мокрое асфальтовое шоссе, и множество суевившихся возле людей. Я ускорила шаг, и вскоре грунтовая дорога подошла к строящейся дороге. Покрыта она была не асфальтом, а грубо обтесанными плитками черной лавы.

Люди, похожие на заключенных-доходяг, строили эту дорогу. Одни обтесывали молотками и зубилами квадратные черные плитки, другие подтаскивали их на носилках к дороге, третьи укладывали их и вбивали большими молотками в полотно дороги. Стучали молотки, грохотали камни, сбрасываемые с носилок, раздавались грубые начальственные окрики присматривающих за ходом работ.

— Куда ведет эта дорога? — спросила я строителей.

— К Озеру отчаяния.

— А откуда она идет?

— От Озера отчаяния.

Я махнула рукой на этих идиотов и отправилась по дороге.

Ступать по гладким плиткам было, конечно, легче, чем по камням и песку с золой.

Много дней мне никто не встретился, никто не догнал меня, все время я шла одна и одна.

Наконец, вдали я опять увидела людей, суевившихся у конца черной дороги, обрывавшейся прямо в пустыню: опять одни подтаскивали камни на носилках, другие их укладывали, а в стороне обтесывали зубилами и молотками каменные плитки.

— Куда ведет эта дорога? — спросила я.

— К Озеру отчаяния, — был ответ.

Кольцевую они строят, что ли? К Озеру отчаяния мне идти совсем не с руки, а больше ни в ту, ни в другую сторону по дороге никуда не придешь. Меня это так раздражало, что захотелось набрать камней и швырять ими в тупоголовых строителей, пока не поумнеют и не научатся отвечать на вопросы умных людей. Я сдержалась, потому что их было больше.

Но я придумала, как всех перехитрить.

Я вернулась по дороге примерно до середины, где не было строителей и меня никто не мог увидеть, а потом сошла с нее и отправилась напрямик через пустыню, как шла до того — от одной торчащей скалы до другой.

Решение было правильным. Шла я долго, как мне показалось, несколько дней, но вот однажды на горизонте я увидела низкие серые строения вроде барачков и заспешила к ним. Это был настоящий барачный город, раскинувшийся на всю ширину степи.

(Продолжение в №135)

История Православной Церкви

Дворкин

Александр Леонидович.
(Очерки по истории Вселенской Православной Церкви)*(Продолжение. Начало в № 27-133)*

Несомненно, византийцам было просто понять легалистическую и рационалистическую модель искупления, сохранившуюся в латинском учении, которая совершенно не укладывалась в их понимание смысла спасения как общения с Богом, как личного духовного роста, который продолжается в следующей жизни.

Окончательное определение собора 1439 г. относительно чистилища было в основном латинским по содержанию. Согласно ему, некоторые души "очищаются через очистительное наказание после смерти", другие, уже очищенные, поднимаются на небо, а третьи, если они некрещенные или умирают в состоянии смертного греха, "немедленно спускаются в ад".

И тем не менее это формальное определение является несколько смягченной версией западного учения. В него не были включены два положения, против которых греки возражали особенно резко. Это положение о материальном огне и сама идея места или состояния очищения, которое называется чистилищем.

Так что нельзя признать этот пункт

безоговорочной победой латинян. Вопрос остался неопределенным и неуверительным для обеих сторон.

Учение о чистилище, как оно было сформулировано в формуле унии 1439 г., стало богословским основанием доктрины об индульгенциях. И развившаяся позже повсеместная торговля индульгенциями (которые якобы могли сократить время пребывания в чистилище) во многом была плодом разработанных во Флоренции определений.

2. Такой же провал характеризует и пункт соглашения, касающийся еще более сомнительного учения о *filioque*.

Дискуссии о *Filioque* касались двух аспектов этой проблемы: насколько законной была папская интерполяция в соборный Символ веры и насколько богословски правильной была сама теория двойного исхождения Св. Духа.

Византийцы открыли дискуссию с объявлением неопровержимого факта, что дополнительная фраза, вставленная в Символ латинским Западом, была незаконной интерполяцией; более того, III Вселенский Собор в Эфесе ясно постановил, что к Символу нельзя ничего прибавлять или убавлять от него. Латиняне ответили, что отцы Эфесского Собора

имели в виду изменение не слов, а изменение смысла, латинская же вставка не только не изменила смысл Символа, но и прояснила его.

Не сумев достигнуть соглашения по первому пункту, стороны перешли к обсуждению самого содержания учения. Латиняне, как всегда, с жаром уверяли, что их понимание проблемы не подразумевало "двух принципов" или "двух источников" в Божестве. Но греков не убедили их заверения.

В конце концов византийские унионисты, стремившиеся найти выход из тупика, предложили принять за основу согласие, которое якобы было по этому вопросу среди отцов Церкви. Для этого использовался такой "блестящий" аргумент: если и греческие, и латинские отцы вдохновлены Святым Духом, они не могли ошибаться относительно Его исхождения. Их тринитарное богословие должно быть идентичным друг другу: даже если они выражали его по-разному, на самом деле они имели в виду то же самое. Исхождение а *filio*, таким образом, объявлялось тем же самым, что и *per filium*. Обе формулы стали выражением той же самой догматической истины. В конце концов эта весьма спорная аксио-

ма была принята за основу.

Марк Евгеник, со своей стороны, был убежден, что необходимым условием для подлинного объединения является исключение латинской интерполяции из Символа веры и, соответственно, отказ от анафем Лионского собора (1274 г.) против тех, кто отвергал истинность *filioque*. Ничего подобного в 1439 г. решено не было. Вышло наоборот: в конце дискуссий на эту тему православным предложили принять латинское учение. Альтернативы им не предлагалось. Так *filioque* было признано богословски правильным и "законно и обоснованно вставленным" в Символ веры. Но все-таки собор не обязал христианский Восток использовать интерполяцию. Окончательная формула гласила, что Святой Дух исходит от Отца и Сына как от "единого принципа" и что греческие отцы, говоря "через Сына", на самом деле имели в виду "и от Сына".

Таким образом, можно констатировать, что и проблема *filioque* во Флоренции осталась неразрешенной. Определение собора по этому поводу также никак не приблизило объединение Церквей.

3. Вопрос о **папской власти** обсуждался лишь на нескольких последних сессиях собора, непосредственно перед подписанием июльской унии. Сам по себе этот факт немаловажен. Хотя византийские участники собора знали о происходящем в Базеле, по всей видимости, их это не слишком волновало. Во всяком случае, им (опять же в отсутствие свт. Марка Эфесского) не удалось высказать критические аргументы против концепции папской власти, выдвигавшейся западными канонистами и апологетами папства. Робко высказанные замечания византийцев были основаны на представлениях, весьма далеких от той реальной папской власти, которая развилась к концу средних веков. Похоже, что греков заботило только лишь сохранение теории пентархии. В этом им пошли навстречу.

По поводу папской власти собором было принято следующее решение: как преемник св. Петра епископ Римский "является первоверховным иерархом всего мира", "наместником Христа" и "главой всей Церкви". "Папа римский обладает полной властью" (*plena*

potestas - боевой клич западных антиконсилиаристов; его употребление в постановлениях Флорентийского собора было мощным ударом по собору Базельскому. - А.Д.) руководить и управлять всей Церковью и всеми христианами, как (*"quemadmodum et"* или по-гречески *"κάθ'ουτρόπον"* - т.е. "до той степени, до которой") это было установлено вселенскими соборами и определено в святых канонах; патриарх Константинопольский является вторым после святейшего римского иерарха (таким образом, только лишь на Флорентийском соборе Римская церковь впервые за всю свою историю официально признала второе место Константинопольской кафедры. - А.Д.), на третьем месте - Александрия, на четвертом Антиохия, Иерусалим же пятый в этом порядке. Все они сохраняют все свои права и привилегии".

Интересно, что последних фраз этого положения не содержится в латинской версии соборного документа - их можно найти только в греческом оригинале. Значит, византийцам в конце концов все же удалось заставить латинян принять часть их идей. И тем не менее византий-

ское определение прав и привилегий четырех восточных патриархатов достаточно аморфно и могло быть истолковано латинянами весьма широко, в то время как портрет папы, окормляющего Вселенскую Церковь, руководящего и управляющего ею, весьма конкретен. Это - максималистическое толкование римского верховенства.

Конечно, определение 1439 г. относительно папской власти было направлено главным образом против западного консилиаризма. Как таковое, оно провозгласило конец этого движения. Соборные суверенность и верховенство, провозглашенные двадцать пять лет назад в Констанце, получили смертельный удар во Флоренции в "непогрешимом документе" *Laetentur caeli*. Как пишет современный римо-католический историк, "Самым своим существованием Флоренция являлась противовесом собору в Базеле, в конце концов перевесившим его. Сделав это, Флоренция положила конец развитию консилиаристского движения на Западе, которое угрожало изменить само устройство Церкви. Великим достижением Флорентийского собора для Запада

было то, что он обеспечил победу пап в борьбе против консилиаризма и выживание традиционного порядка Церкви".

Правда, справедливости ради нужно отметить, что меньше чем через столетие после этого триумфального "достижения" оно было опровергнуто протестантской Реформацией. И разработанная собором 1438-1439 гг. теология чистилища (и, соответственно, индульгенций), и теория папской власти способствовали развитию событий, приведших к отказу в 1617 г. Мартина Лютера и его учеников от всей постгригорианской (гильдебрандовской) папской структуры.

Что же касается византийцев, то им, помимо теории пентархии, все-таки удалось протащить определенную двусмысленность в формулировку папской власти. Согласно ей, папа "руководит и управляет всей Церковью и всеми христианами" лишь "до той степени, до которой" это было установлено Вселенскими Соборами и определено в святых канонах.

Таким образом, благодаря прославленному греческому хитроумию, концепцию папской власти, безусловно, против желания латинской делегации и самого папы Евгения, приняли с весьма значительной оговоркой. Правда, эта уловка греков была не более чем "кукишем в кармане": ведь на Западе насчитывали много Вселенских Соборов, в том числе, например, и Лионский, и это место понималось здесь совсем иначе, чем на Востоке. Но тем не менее в конце концов латиняне раскусили эту двусмысленность и постфактум переписали официально принятое соборное постановление. Вместо спорного *"quemadmodum et"* в латинском тексте документа было поставлено *"quemadmodum etiam"*, т.е. "как и". Однако греческий текст остался без изменений.

4. Помимо трех вероучительных определений - о папстве, *filioque* и чистилище, - которые подробно прорабатывались в *Laetentur caeli*, в нем кратко упоминался и четвертый пункт повестки дня собора - вопрос обряда и богослужебных различий. По данному пункту собор принял решение, что обрядовые различия не могут служить препятствием для единства, поэтому использование в евхаристии опресноков или квасного хлеба

было признано равноценным. Греческий и латинский обряды были провозглашены равноценными, и каждая Церковь могла сохранять свой обряд. Вопрос эпиклезы был обойден молчанием.

И это было все. Постановление собора было предложено к подписанию. К тому времени греки больше всего мечтали наконец вернуться домой, а кроме того, латиняне держали их на коротком поводке благодаря контролируемой выдаче провизии и постоянному урезанию жизненных удобств. Справедливости ради нужно сказать, что подписывать постановление никому не предлагалось силой. Конечно, греки испытывали некоторое давление, но все-таки, в принципе, свобода слова и действий оставалась за ними. И тем не менее постановление подписали все, кроме грузинской делегации (она уехала, не дождавшись конца собора), свт. Марка Эфесского, митрополита Исаяи Ставропольского и Плифона, который при всей своей нелюбви к греческой Церкви нашел латинскую Церковь еще более враждебной и нетерпимой к свободной мысли. Наш соотечественник Авраамий Суздальский, не знавший греческого и, по всей видимости, не очень понимавший, о чем идет речь, оставил свой автограф на славянском языке

вслед за подписью своего митрополита: "Авраамий, смиренный епископ Суздальский".

По преданию, когда папа Евгений услышал, что Марк Эфесский не подписал унию, он воскликнул: "Значит, ничего не достигнуто!"

5. Итак, Ферраро-Флорентийский собор фактически завершился совершенным провалом. С таким трудом давшееся соглашение было абсолютно пустым и ничего не решало. Оно было даже не компромиссом, а лишь уклончивым и двусмысленным определением, в принципе неспособным разрешить подлинные различия и разногласия между двумя сторонами. Похоже, все участники этих событий довольно скоро это поняли. Как писал диакон Сильвестр Сиропулос, у всех было только одно желание - поскорее вернуться домой.

Единственным историческим достижением Флорентийского собора стало поражение, которое он нанес консилиаризму. Кошмар консилиаризма был окончательно похоронен для папизма 18 января 1460 г., когда была опубликована булла *Ehesabilis*, официально запрещавшая апелляции пап Вселенскому Собору. Но этот запрет был уже формальным и символическим актом: консилиаристское

движение испустило дух в 1439 г., когда постановление Флорентийского собора превратило Базельский собор в незаконное собрание. За этим последовало отвержение Базеля большинством правителей Европы. Базельский собор окончился крахом. А без собора реформа католической Церкви стала нереальной. Риму удалось предотвратить реформу, но, как уже отмечалось выше, в ответ он вскоре получил Реформацию.

Акт единения был торжественно прочитан в соборной церкви Флоренции на греческом и латинском языках. В знак единения греки и латиняне обнялись и поцеловались. Была совместно отслужена литургия. После этого папа нашел для греков корабли, и они наконец-то смогли отправиться домой. Исидор Московский и Виссарий Никейский не спешили с отъездом и остались на какое-то время в Италии. В конце концов, как уже говорилось выше, оба были возведены в ранг кардиналов.

Папа обязался содержать в Константинополе 300 воинов и 2 галеры, а в случае особой нужды послать императору 20 галер на полгода или 10 галер на год.

(Продолжение в №135)

Дорогие братья и сестры, приглашаем вас на богослужение!

Расписание богослужений

Апрель

Сб. 10.04.2021 г. — 09:00 — **СОБОРОВАНИЕ** (для тех, кто не соборовался в этом году)

Сб. 10.04.2021 г. — 16:00 — Поминовение усопших. Всенощное бдение.

Вс. 11.04.2021 г. — 09:00 — Божественная литургия. Неделя 4-я Великого поста. Прп. Иоанна Лествичника.

Ср. 14.04.2021 г. — 16:00 — Вечерняя служба. «Стояние Марии Египетской». Великий канон.

Пт. 16.04.2021 г. — 16:00 — Вечерняя служба. АКАФИСТ.

Сб. 17.04.2021 г. — 16:00 — Всенощное бдение.

Вс. 18.04.2021 г. — 09:00 — Божественная литургия. Неделя 5-я Великого поста. Прп. Марии Египетской.

Сб. 24.04.2021 г. — 16:00 — Всенощное бдение. **Лазарева суббота. ОСВЯЩЕНИЕ ВЕРБ.**

Вс. 25.04.2021 г. — 09:00 — Божественная литургия. Неделя 6-я Великого поста ваий (цветоносная).

Вербное воскресенье. Вход Господень в Иерусалим.

**Крещение и венчание по договорённости,
по прохождении двух огласительных бесед**

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

Обратите внимание!

Просим Вас не употреблять эту газету в хозяйственных нуждах.

***Если она стала Вам не нужна, отдайте её другим людям,
если стала ветхой, сожгите.***

Редактор: протоиерей Максим Липунов
Тел. +7-951-577-96-59

Электронная почта: lipunov.net@mail.ru

Выпуск подготовила: И.Н. Андраханова

Адрес:

654250, Новокузнецкий р-н, пос. Кузедеево,
ул. Советская, 25.

Сайт Прихода: kuz.cerkov.ru

Тираж: 100 экз.

Храм открыт:

В будние дни с 11.00 до 14.00

Суббота с 11:00 до 14:00

с 16:00 до 19:00

Воскресенье с 09:00 до 14:00